

Научная статья

УДК 338.22(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-53-64

Тенденции и проблемы социального развития в Дальневосточном федеральном округе: 2013–2020 гг.

Светлана Николаевна Найден¹, Мария Анатольевна Грицко²

^{1, 2}Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

¹naayden@ecrin.ru

²gritsko@ecrin.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сложившиеся тенденции социального развития в Дальневосточном федеральном округе в период активной государственной политики по опережающему развитию макрорегиона (2013–2020 гг.). На основе статистической информации анализируются параметры, отражающие демографическую динамику и благосостояние населения, в разрезе субъектов Дальневосточного федерального округа. Выявлено, что, несмотря на предпринимаемые меры по стабилизации численности населения и созданию комфортных условий для привлечения трудовых ресурсов в регион, продолжается нисходящий тренд естественного и миграционного движения населения. Показано, что сохранение повышенной рождаемости в национальных субъектах по сравнению со среднероссийскими показателями сопровождается снижением численности женщин репродуктивного возраста и падением темпов роста, в том числе под влиянием корректировки репродуктивных установок на фоне пандемии коронавирусной инфекции, что впоследствии чревато переходом в отрицательную результативность. Установлено, что в макрорегионе продолжает сохраняться высокая смертность, особенно среди лиц трудоспособного возраста, обусловленная, как низким уровнем жизни, так и слабым развитием инфраструктуры здравоохранения, ограничивающей своевременный доступ к медицинской помощи. Обосновано, что экономические условия в течение исследуемого периода не способствовали положительной динамике уровня благосостояния населения Дальнего Востока в первую очередь в силу отсутствия роста реальных денежных доходов. Сформулирован вывод о низкой вероятности достижения целевых социальных индикаторов, заявленных в официальных стратегических документах по развитию Дальнего Востока.

Ключевые слова: население, рождаемость, смертность, естественный прирост, миграция, продолжительность жизни, доходы населения, заработная плата, покупательная способность, бедность, Дальний Восток

Для цитирования: Найден С. Н., Грицко М. А. Тенденции и проблемы социального развития в Дальневосточном федеральном округе: 2013–2020 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 53–64. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-53-64>

Trends and problems of social development in the Far-Eastern federal district: 2013–2020

Svetlana N. Nayden¹, Maria A. Gritsko²

^{1,2} The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

¹ nayden@ecrin.ru

² gritsko@ecrin.ru

Abstract. *The article examines prevailing tendencies of social development in the Far-Eastern federal district during the period of active state policy for the advanced development of macro-region (2013-2020). On the basis of statistical information, the parameters reflecting the demographic dynamics and well-being of the population are analyzed in the context of the subjects of the Far-Eastern federal district. It was revealed that, despite the measures taken to stabilize the population and create comfortable conditions for attracting labor resources to the region, the downward trend of natural and migration movement of the population continues. It is shown that the persistence of an increased birth rate in national entities compared to the national average is accompanied by a decrease in the number of women of reproductive age and a drop in rates, including under the influence of adjusting reproductive attitudes against the background of a coronavirus infection pandemic, which is subsequently fraught with a transition to negative performance. It has been established that high mortality rates continue to persist in the macro-region, especially among people of working age, due to both the low standard of living and the poor development of the health infrastructure, which limits timely access to medical care. It is substantiated that the economic conditions during the study period did not contribute to the positive dynamics of the level of well-being of the population of the Far East, primarily due to the lack of growth in real cash income. A conclusion is made about the low probability of achieving the target social indicators stated in the official strategic documents for the development of the Far East.*

Keywords: *population, fertility, mortality, natural growth, migration, life expectancy, population income, wages, purchasing power, poverty, the Far East*

For citation: Nayden S. N., Gritsko M. A. Trends and problems of social development in the Far-Eastern federal district: 2013–2020 // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 53–64. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-53-64>

Введение. Дальний Восток продолжает оставаться в зоне внимания государственной политики, присутствуя практически в каждом официальном документе, направленном на реализацию национальных приоритетов в экономике и социальной сфере регионов. Начиная с 2013 года, когда были пересмотрены основания государственной политики стимулирования развития восточных регионов и разведены два процесса, с одной стороны, по наращиванию масштабов внешнеэкономических взаимодействий со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Северо-Восточной Азии, а с другой стороны, по переориентации потока государственных инвестиций с производственных и инфраструктурных проектов на институциональные новации, возникли вполне радужные ожидания, что это позволит сделать регион

процветающим и современным за счет улучшения человеческого капитала и привлечения дополнительного населения на Дальний Восток [Минакир, 2017]. За этим последовал поток принятия документов на федеральном и региональном уровнях, настойчиво призывающих к приоритизации социальных мер, уже действующих в стране, в сторону увеличения помощи, снижения нагрузки, перераспределения финансовых ресурсов в пользу потребностей социальной системы дальневосточных территорий, содержащий перманентные установки на необходимость стабилизации численности населения и создание комфортных условий по привлечению трудовых ресурсов в регион для осуществления инвестиционных проектов и замыслов «новой восточной политики» [Аганбегиан, 2019; Исаев, 2017; Найден, 2020]. Именно

поэтому мониторинг демографических тенденций и параметров благосостояния как основных индикаторов социального развития территории стал неотъемлемой частью наблюдений за реакцией социальной системы Дальнего Востока на вызовы внутренней и внешней среды, включая шоки, спровоцированные пандемией коронавируса (COVID-19).

Демографические тенденции. Население Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) к началу 2021 г. составило 8124 тыс. чел. или на 200 тыс. чел. меньше (при условии учёта всех 11 субъектов Федерации¹, входящих в состав ДФО), чем было в 2013 г. (табл. 1). Суммарное миграционное сальдо за период 2013–2020 гг. достигло -230480 чел., в то время как естественный прирост смог компенсировать демографические потери только в количестве 38418 чел. Подобная отрицательная демографическая динамика сохраняется на Дальнем Востоке с начала 1990-х гг. Но если длительное время основной причиной сокращения демографического потенциала региона оставался миграционный отток, стабильно превышающий количество приезжающего населения, то после 2017 г. к этому

добавился фактор отрицательного естественного прироста. В 2020 г., на который пришлось начало пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, впервые за тридцатилетний период наблюдений основные потери населения, составившие более чем 45 тыс. человек, были обусловлены характером естественного движения. Естественная убыль только за 2020 г. в 2,6 раза превысила результат 2019 г. и составила 22864 чел., что почти на 15% превысило годовое миграционное сальдо (-19926 человек).

На протяжении рассматриваемого периода динамика естественного движения населения носила нисходящий характер. Прирост населения вплоть до 2017 г. сохранялся за счет более высокого уровня рождаемости, который превышал показатель смертности населения. Однако сокращение численности женщин репродуктивного возраста объективно снижало количество рожденных детей, уменьшая естественный прирост. С 2018 г. естественная динамика перешла в отрицательную плоскость и наряду с отрицательным сальдо миграции привела к общему сокращению численности населения на Дальнем Востоке (рис. 1).

Таблица 1

Население Дальнего Востока на начало года

Территория	Численность, тыс. чел.		Изменение, 2021 г. к 2013 г.	
	2013	2021	тыс. чел.	%
Республика Бурятия	971,8	985,4	+13,6	+1,4
Республика Саха (Якутия)	955,6	982,0	+26,4	+2,8
Забайкальский край	1095,2	1053,5	-41,7	-3,8
Камчатский край	320,6	311,7	-8,9	-2,8
Приморский край	1947,3	1877,8	-69,4	-3,6
Хабаровский край	1342,1	1301,1	-40,9	-3,1
Амурская область	816,9	781,9	-35,1	-4,3
Магаданская область	152,4	139,0	-13,3	-8,7
Сахалинская область	493,3	485,6	-7,7	-1,6
Еврейская автономная область	172,7	156,5	-16,2	-9,4
Чукотский автономный округ	50,8	49,5	-1,3	-2,5
Дальневосточный федеральный округ	8318,5	8124,1	-194,4	-2,3

Источник: Численность постоянного населения на 1 января. Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 17 октября 2021)

¹ Республика Бурятия и Забайкальский край вошли в состав ДФО в 2018 г. на основании Указа Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 года № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года №849».

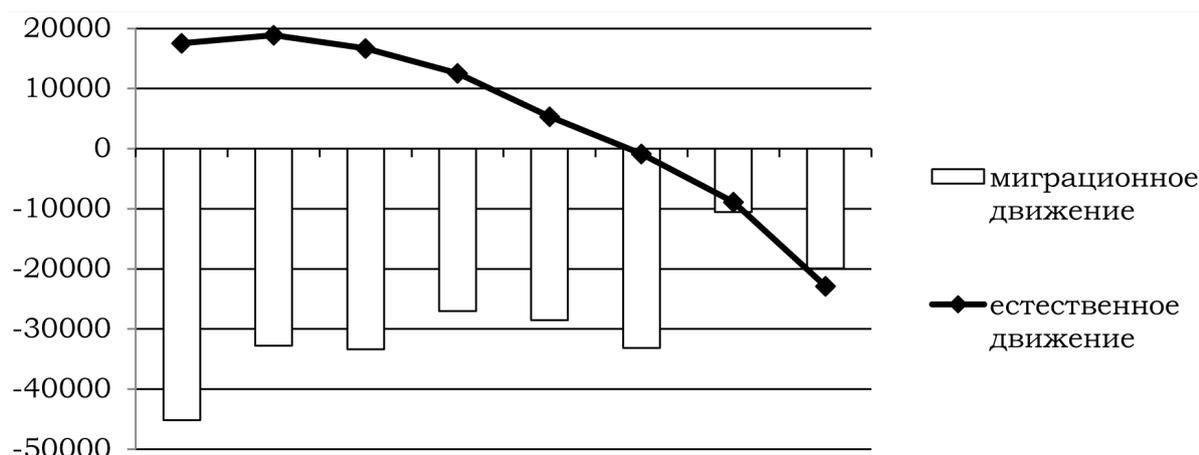

Рис. 1. Динамика естественного и миграционного движения населения, чел.

На протяжении всего рассматриваемого периода более половины дальневосточных субъектов относились к группе регионов со стабильной ежегодной убылью населения. Лидерами по убыли населения стали Еврейская автономная область и Магаданская область, где численность жителей сократилась за 2013–2020 гг. на 9,4% и 8,7% соответственно. За ними расположились Амурская область (-4,3%), Забайкальский край (-3,8%), Приморский край (-3,6%), Хабаровский край (-3,1%), Камчатский край (-2,8%), Чукотский автономный округ (-2,5%), Сахалинская область (-1,6%). Только за 2020 год, в том числе в результате пандемии, абсолютное сокращение численности населения превысило показатель 2019 г. в 2,5–2,6 раза в Приморском крае, Хабаровском крае, Амурской области; в 1,9–2,0 раза – в Сахалинской области и Республике Бурятия; на 12,3% – в Еврейской автономной области, на 2,8% – в Магаданской области, на 2,1% в Забайкальском крае. Положительный прирост численности населения в целом за 2013–2020 гг. был обеспечен в двух субъектах ДФО – Республике Бурятия и Республике Саха (Якутия) (+1,4% и +2,8% соответственно), причем в Якутии, несмотря на эпидемиологические последствия, даже в 2020 г. (в 2 раза больше, чем в 2019 г. за счет и естественного, и миграционного прироста).

Несмотря на внедрение новых институтов развития и принимаемые меры стимулирующего характера, направленные

на повышение привлекательности макрорегиона с точки зрения уровня и качества жизни, миграционные установки населения остаются неизменными [Minakir, Naiden, 2020]. В течение 2013–2020 гг. в регион приехали 316 тыс. человек, а покинули 345 тыс. чел. При этом «в 2019 г. регистрировалось минимальное после 2015 г. значение отрицательного коэффициента миграционного оттока населения за счет его положительных значений на Чукотке и в Республике Бурятия, а также практически нулевых значений в Приморье и Амурской области. Это было связано с реализацией в этих регионах проектов, требующих привлечения большого количества работников на условиях вахтовой или временной работы (космодром, газохимические комплексы, дорожное строительство, добыча минерального сырья и пр.). На общую тенденцию в области миграции это не повлияло. Если в 2019 г. отрицательное миграционное сальдо снизилось до минус 11,7 тыс. чел. по сравнению с минус 33,1 тыс. чел. в 2018 г., то уже в 2020 г. оно опять увеличилось до минус 20 тыс. чел.» [Минакир, 2021, с.10-11], в том числе и в связи с вводом ограничений на перемещения внутри страны и закрытием границ с целью недопущения распространения новой коронавирусной инфекции.

Особенности естественного движения населения, динамика которого формируется под влиянием рождаемости и смертности, на Дальнем Востоке также оста-

ются неизменными длительное время. По уровню рождаемости Дальний Восток в целом и входящие в его состав субъекты превышают среднероссийские показатели, несмотря на общий нисходящий тренд. Если в среднем по РФ коэффициент рождаемости снизился на 3,4 пункта (с 13,2 промилле в 2013 г. до 9,8 промилле в 2020 г.), то на Дальнем Востоке лишь на 2,8 пункта (с 13,9 до 11,1)². При этом территории, продолжающие сохранять лидирующие позиции по уровню рождаемости, теряют былое преимущество гораздо быстрее, чем в среднем по стране. Так, глубина падения коэффициента рождаемости в Республике Бурятия составила -4,7 пункта (с 17,6 промилле в 2013 г. до 12,9 промилле в 2020 г.), Забайкальском крае и Республике Саха (Якутия) -4,1 (с 15,9 до 11,8 и с 17,5 до 13,4 соответственно). Чукотский автономный округ³ хотя и показал положительный прирост в 2020 году, но в целом потерял 2,2 пункта (с 13,1 до 10,9), равно как и Магаданская область - 3,2 пункта (с 12,6 до 9,4). Субъекты южной зоны Дальнего Востока, где более благоприятные и комфортные условия жизни, также находятся в падающем тренде: Амурская область -4,2 (с 14,1 до 9,9), Еврейская автономная область -3,4 (с 13,7 до 10,3), Хабаровский край -3,3 (с 12,7 до 9,5), Приморский край -3,2 (с 12,7 до 9,5).

Следует отметить, что пандемия новой коронавирусной инфекции не оказала еще существенного отрицательного влияния на уровень рождаемости, поскольку

во многом результаты 2020 г. были сформированы реализацией репродуктивных установок 2019 г. и первой половины 2020 г. Вероятнее всего в 2021 г. следует ожидать спад рождаемости как отклик на неопределенность и нестабильность, крайне негативно влияющих на естественные процессы воспроизводства населения⁴.

Другим фактором, отрицательно сказавшемся на естественной динамике населения Дальнего Востока, остается высокий уровень смертности. Сопоставление данных в рамках анализируемого периода затруднено в силу объективных выбросов 2020 г., когда показатели смертности резко возросли в связи с ростом летальных случаев от вируса COVID-19, но и до 2018 г. скорость ее снижения оставалась крайне низкой. Хотя совокупная смертность в рамках анализируемого периода не превышала среднероссийский показатель, по отдельным причинам макрорегион продолжает лидировать⁵. Высокий уровень смертности в результате воздействия внешних причин (в 1,5 раза больше, чем в среднем по стране) формируется, прежде всего, за счет сверхсмертности в Чукотском автономном округе, где данный показатель многократно превышает средний по стране (по итогам 2020 г. в 2,5 раза). В 2020 г. в макрорегионе смертность по причинам болезней органов дыхания выросла на 53,6% против 27,7% в среднем по стране; по причинам болезней органов пищеварения - на 22,5% против 19,0%.

² Республика Бурятия и Забайкальский край вошли в состав ДФО в 2018 году на основании Указа Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 года № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года № 849».

³ Хотя «в 2013–2017 гг. в округе произошло значительное снижение младенческой смертности (в 2,2 раза) по сравнению с РФ (1,5 раза) и ДФО (1,9 раза),... все же уровень младенческой смертности в ЧАО остается высоким (10,7‰). По этому показателю он занимает второе место после Еврейской автономной области (10,8‰). Об уровне неблагополучия для детей в первые годы жизни на Чукотке свидетельствует статистика вероятности смерти с момента рождения до 5 лет, причем обращает на себя внимание тот факт, что для города этот показатель мало чем отличается от других территорий (9,4%), тогда как для коренного населения этот показатель самый высокий (39,6%) среди субъектов федерации ДФО (84 место среди субъектов РФ)» [Авдеев, Сидоркина, Ушакова, 2020, с.138].

⁴ Что стало известно про пандемию из годовых данных Росстата по демографии / RBC. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/06/2021/60c4f6c19a794732b5523fa4>

⁵ Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчете на 100000 населения за год / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31270>

Тревогу вызывает стабильное превышение среднероссийских показателей по уровню смертности населения трудоспособного возраста. Особенно это характерно для Чукотского автономного округа⁶ (176,1% в 2013 г. и 170,5% в 2019 г.), Еврейской автономной области⁷ (154,2% и 146,5%), Магаданской области (15,8% и 148,6%), Амурской области (141,7% и 145,0%), Забайкальского края (126,0% и 133,7%), Камчатского края (124,5% и 121,8%). В остальных субъектах разница меньше, но, тем не менее, достаточно существенная. Данные Росстата за 2020 год неожиданно демонстрируют в целом по макрорегиону относительное сокращение разрыва от средних показателей смертности по стране (со 123,0% в 2013 г. до 119% в 2020 г.). Последнее обусловлено, прежде всего, тем, что первая волна коронавируса на Дальнем Востоке была относительно полой, и высокие показатели смертности начали фиксироваться только с осени, в то время как потери населения западной части страны начали фиксироваться с самого начала пандемии. Однако это не изменило положения аутсайдеров среди субъектов ДФО, где смертность трудоспособных граждан продолжает оставаться крайне высокой, что негативно отражается на ожидаемой продолжительности жизни.

Завершившийся в 2020 г. первый этап реализации Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г.⁸ показал, что по всем

целевым параметрам, включая ожидаемую продолжительность жизни, подавляющее большинство субъектов ДФО не достигло запланированных значений, хотя прирост за 2013–2019 гг. по макрорегиону составил +2,41 года против 2,58 лет в среднем по стране. Безусловно, рост смертности населения в 2020 г. прервал едва наметившуюся положительную динамику увеличения продолжительности жизни по всем субъектам РФ, включая и ДФО [Грицко, 2021]. Если в целом по стране за первый год пандемии показатель снизился практически на -2 года, то в ДФО – пока на -1,07 года. В региональном разрезе наиболее значительный прирост ожидаемой продолжительности жизни (+5,98 лет за 2013–2019 гг.), равно как и самое сильное падение (-2,27 года в 2020 г. по отношению к 2019 г.) было отмечено в Чукотском автономном округе⁹ (рис. 2).

Высокие показатели смертности и низкая продолжительность жизни обусловлены, в том числе, низким уровнем благосостояния и качества социальной среды, недоступностью квалифицированного медицинского обслуживания (дефицитом врачебных кадров в центральных районных больницах и амбулаториях, закрытием фельдшерско-акушерских пунктов в сельской местности), а также низкой обращаемостью населения в учреждения здравоохранения, что порой связано с объективной удаленностью последних от мест прожи-

⁶ На Чукотке «сверхсмертность» мужчин в трудоспособном возрасте в 2013–2016 гг. в 1,8 раза превышала аналогичный показатель для женщин. Длительное время сохраняется относительно высокая доля умерших от несчастных случаев, отравлений и травм, то есть от внешних причин [Авдеев, Сидоркина, Ушакова, 2020, с.138].

⁷ «Высокие показатели смертности населения автономии от внешних причин, особенно от самоубийств, свидетельствуют о наличии тяжелого затяжного психоэмоционального напряжения у населения... Отсутствие рабочих мест, низкий уровень и качество жизни, неуверенность в завтрашнем дне, увеличение потребления алкоголя и злоупотребление им являются, на наш взгляд, причинами многих несчастных случаев, отравлений и травм с внезапными смертельными исходами» [Суховеева, 2018, с.90].

⁸ Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года: утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р (с изменениями и дополнениями от 23 декабря 2019 г. № 3146-р)

⁹ «По показателю ожидаемой продолжительности жизни Чукотка существенно отстает даже от аутсайдеров. Особенно, когда речь идет о мужском населении сельской местности, где ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2018 г. составляла 46,85 лет! Такого нет ни на одной территории Российской Федерации» [Авдеев, Сидоркина, Ушакова, 2020, с.138].

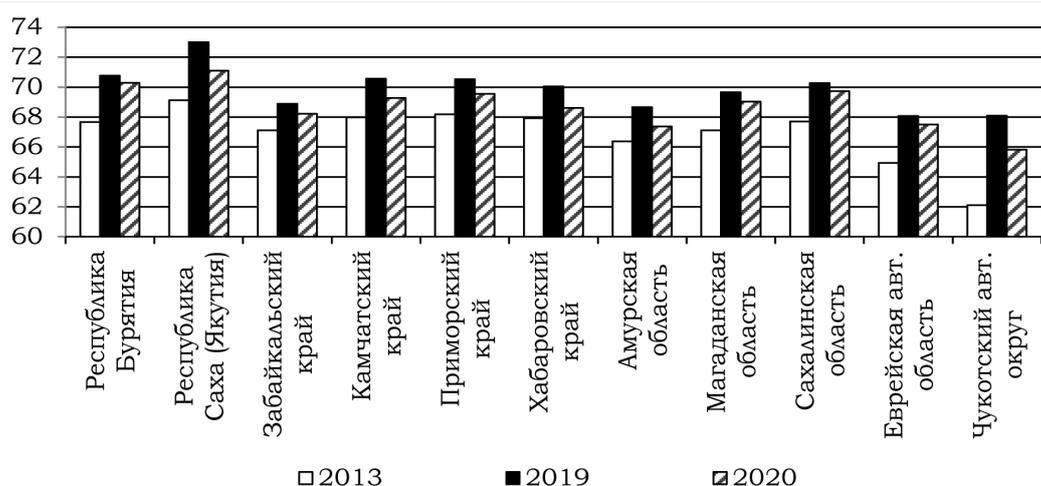

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении¹⁰, лет

вания, отсутствием развитой сети транспорта и автомобильных дорог. При этом материально-техническая база медицинских учреждений, во всяком случае за пределами крупных городов, характеризуется высоким износом, граничащим с аварийным состоянием, отсутствием современной диагностической аппаратуры, включая квалифицированных специалистов по ее обслуживанию, изношенностью инженерных коммуникаций, что требует значительных ресурсов для ее развития и укрепления.

Благосостояние населения. Основным критерием благосостояния населения является уровень его доходов, формируемый, в первую очередь, за счет оплаты труда. В 2013–2020 гг. номинальная заработная плата в экономике ДФО выросла почти на 60%, в то время как в среднем по России – на 71,5%. Если еще в 2013 г. оплата труда среднестатистического дальневосточника по номиналу (за счет соответствующих надбавок и коэффициентов, компенсирующих удаленность и природно-климатические условия жизни) превышала среднероссийский уровень на 26,4%, то в 2020 г. преимущество сократилось до 17,2%.

Согласно данным Минвостокразвития¹¹, «превышение уровня зарплаты в ДФО над среднероссийской зарплатой уменьшилось в 2015–2020 гг. на 9 п.п., а темп роста номинальной заработной платы в среднем по РФ (150,9%) уверенно превышал темп роста зарплаты в макрорегионе (139,8%), что, очевидно, является важным фактором относительного сближения стоимости основной потребительской корзины в макрорегионе по сравнению со средней ценой по РФ – отставание в уровне доходов формирует более жесткое спросовое ограничение для дальневосточных потребителей» [Минакир, 2021. С.12].

Номинальный прирост среднемесячной заработной платы дальневосточников, достигшей в 2020 г. почти 60 тыс. руб. на человека, составил +5,4% к 2019 г., в отличие от среднего по России, где сравнительный прирост за тот же период достиг +6,0%. Отстает дальневосточная средняя заработная плата и по темпам прироста в реальном исчислении: если в целом по стране рост реальной оплаты труда за 2020 г. составил 102,5% по отношению к 2019 г., то в макрорегионе – всего 101,4%. Среди

¹⁰ Ожидаемая продолжительность жизни / ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: сентябрь 2021)

¹¹ Об итогах деятельности Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики за 2020 г. и планах на 2021 г. / Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. 2021. URL: https://minvr.gov.ru/upload/iblock/729/doklad-ob-itogakh_pd.pdf (дата обращения: июнь 2021).

субъектов ДФО, традиционных лидеров по размеру номинальной заработной платы, максимальный прирост реального содержания сохранили Чукотский автономный округ (110,7% к 2019 г.) и, значительно отстав от него, Магаданская область (104,5%) и Камчатский край (102,4%), сумевшие обеспечить опережающие темпы роста оплаты труда (в том числе за счет бюджетного сектора экономики) по сравнению с ростом индекса потребительских цен (рис. 3). Для Сахалинской области, равно как и для Республики Саха (Якутия), данная стратегия не сработала, в результате уровень реальной заработной платы на острове в 2020 году оказался ниже уровня 2019 г. на -0,1%, а в республике прирост составил всего +1,3%. Но самым провальным 2020 год стал для работников организаций Хабаровского края, где номинальный прирост заработной платы (101,4% по сравнению с 2019 годом) за счет стремительного удорожания потре-

бительских товаров и услуг (индекс потребительских цен составил 104,9%) привел к обесцениванию реальной оплаты труда (-2,3% по сравнению с 2019 г.).

«Еще проблематичнее ситуация с реальными доходами населения, среднегодовой темп роста которых в 2010–2014 гг. заметно превышал среднероссийский (3,8% против 2,7%), а в 2015–2019 гг. снижался синхронно с падением реальных доходов в целом по стране, хоть и не такими быстрыми темпами (минус 0,9% против минус 1,4%)» [Минакир, 2021. С. 12]. В результате опережающего роста индекса потребительских цен, который за 2013–2020 гг. составил 151,1%, по сравнению с ростом номинальных среднедушевых доходов (149,1% за тот же период), реальные доходы населения в 2020 г. не смогли достигнуть даже уровня доходов 2013 г. (98,8%)¹². Наиболее значительные потери в содержании реальных доходов понесли жители Еврейской автономной

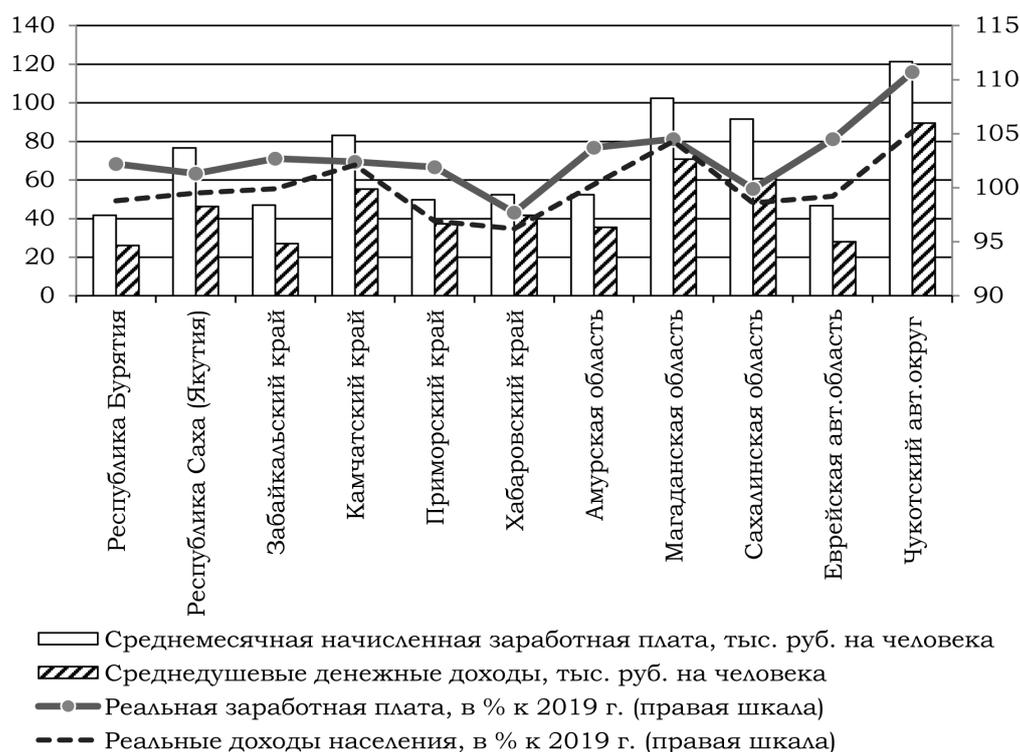

Рис. 3. Заработная плата и доходы населения в субъектах ДФО в 2020 г.

¹² Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели: 2019. Стат. сб. / Росстат. М., 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: август 2021); Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2020 году: стат. бюлл. / Росстат. М., 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260>. (дата обращения: сентябрь 2021)

области (86,8% относительно 2013 г.), Республики Бурятия (89,4%), Забайкальского края (89,7%), поскольку рост номинальных доходов в этих регионах (136–140% к уровню 2013 г.) катастрофически отстал от роста цен на потребительские товары и услуги (153–157%).

Лидерами по покупательной способности доходов населения на протяжении всего периода 2013–2020 гг. традиционно оставались регионы, в которых сохранялась и самая высокая покупательная способность заработной платы: Чукотский автономный округ (3,73 прожиточных минимума на среднедушевой доход населения и 5,08 – на оплату труда), Сахалинская область (3,67 и 5,57 соответственно), Магаданская область (3,23 и 4,86) (табл. 2). Тем не менее, даже быстрый рост заработной платы в экономиках региона для 9 из 11 субъектов ДФО не смог обеспечить ста-

тистически наблюдаемое улучшение покупательной способности среднедушевых доходов по сравнению с 2013 г., за исключением 2 регионов: Магаданской области (+0,16 п.п.) и Приморского края (+0,07). Самым уязвимым как обычно стал низкий рост номинальных пенсий, в результате которого реальный уровень жизни пенсионеров Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), Забайкальского и Приморского краев, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа в 2020 г. снизился в диапазоне 0,05–0,25 п.п., что при малой базе играет существенное значение. Ключевую роль в минимизации потерь для большей части регионов сыграл рост оплаты труда, формируемой в природно-ресурсном секторе экономики территорий: в Сахалинской области (+1,04 п.п.), Магаданской области (+0,73), Амурской

Таблица 2.

Соотношение доходов и минимальной стоимости жизни в субъектах ДФО и в целом по РФ¹³

Территория	Отношение к прожиточному минимуму					
	среднемесячной начисленной заработной платы		среднемесячных начисленных пенсий		среднедушевых денежных доходов	
	2013	2020	2013	2020	2013	2020
Республика Бурятия	3,64	3,26	1,28	1,15	2,90	2,01
Республика Саха (Якутия)	4,10	4,29	1,19	1,16	2,78	2,55
Забайкальский край	3,79	3,45	1,25	1,08	2,76	1,95
Камчатский край	3,45	3,79	1,08	1,07	2,51	2,49
Приморский край	3,19	3,57	1,06	1,15	2,59	2,66
Хабаровский край	3,43	3,36	1,15	1,16	2,96	2,67
Амурская область	3,39	3,95	1,09	1,20	2,74	2,63
Магаданская область	4,13	4,86	1,13	1,11	3,07	3,23
Сахалинская область	4,53	5,57	1,22	1,26	3,69	3,67
Еврейская автономная область	2,94	2,98	1,02	0,98	2,19	1,77
Чукотский автономный округ	5,10	5,08	1,35	1,11	3,94	3,73
Российская Федерация	4,08	4,40	1,34	1,36	3,55	3,05

¹³ Регионы России. Социально-экономические показатели: 2019. Стат. сб. / Росстат. М., 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: август 2021); Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2020 году: стат. бюлл. / Росстат. М., 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260>. (дата обращения: сентябрь 2021); Величина прожиточного минимума / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/30957> (дата обращения: октябрь 2021).

области (+0,56), Приморском крае (+0,38), Камчатском крае (+0,34), Республике Саха (Якутия) (+0,19), в отличие от Республики Бурятия (-0,38 п.п.), Забайкальского края (-0,34), Хабаровского края (-0,07), Чукотского автономного округа (-0,02). В противном случае картина в целом по ДФО была бы еще печальнее даже с чисто статистической точки зрения из-за прогрессирующей «пенсионной бедности».

Следует констатировать, что в течение всего анализируемого периода, несмотря на реализацию всевозможных проектов и программ, направленных на повышение уровня жизни, на создание благоприятных условий для развития предпринимательства и материальную поддержку социально незащищенных слоев населения, включая период пандемии 2020 года, когда были задействованы механизмы по компенсации выпадающих доходов от вынужденной изоляции и целенаправленно шли выплаты семьям с детьми, пенсионерам, инвалидам и другим категориям граждан, уровень бедности существенно не снижался. Доля лиц с денежными доходами ниже уровня прожиточного минимума балансирует в пределах 15–16,5%, оставаясь выше среднего по стране (12,1% в 2020 г.) При этом «лидерами» по уровню бедности остаются Еврейская автономная область (23,7% от общей численности населения живут ниже черты бедности), Республика Саха (Якутия) (21,0%), Республика Бурятия (20,0%), Забайкальский край (17,4%), Амурская область (15,2%), Камчатский край (14,9%), Приморский край (13,0%), превышающие средние значения по стране. Более того, за анализируемый период первая тройка ухудшила свои показатели относительно 2013 г. (на -2,8, -4,7, -4,1 п.п. соответственно). Включение в 2018 г. в состав ДФО двух субъектов (Республики Бурятия и Забайкальского края) с низкими показателями уровня жизни спровоцировало прирост уровня бедности в целом по макрорегиону (+1,3 п.п в 2018 г., +1,7 в 2019 г., +1,1 в 2020 г.).

Заключение. Экономические условия последних лет не способствовали положительной динамике уровня благосостояния населения Дальнего Востока, в первую очередь, в силу отсутствия роста реальных денежных доходов. Пандемия коронавируса и введение карантинных мер лишь усугубили это положение. Сокращение доходов населения в результате функционирования экономики в условиях жестких ограничений деятельности и социальной активности естественным образом способствуют откладыванию рождения детей на более благоприятный период. Отсутствие объективной информации относительно дальнейшего распространения инфекции, количества предстоящих волн пандемии будут сказываться на формировании репродуктивных установок и в последующие годы. Снижение ожидаемой продолжительности жизни на фоне сохранения высоких показателей смертности в макрорегионе ставит под сомнение вероятность достижения целевых индикаторов, заложенных в стратегические документы демографического характера.

Представленный анализ демонстрирует масштаб проблем, которые для Дальнего Востока, провозглашенного «территорией новых возможностей», все-таки требуют пристального внимания и специальных инструментов по действительно принципиальному решению о кардинальном повышении уровня жизни в макрорегионе. Во всяком случае, существующее положение в области формирования доходов не способно создать позитивную мотивацию ни для потенциальных мигрантов, ни для тех, кто принимает решение уехать или остаться. А порой на это решение оказывает влияние наличие доступной и высококачественной социальной среды, создание которой содержится в перечне «ожидаемых дальневосточных прорывов»¹⁴. Один из таких прорывов вероятнее всего будет связан с системой оказания медицинской помощи, которая испытала шок в связи с распространением инфекции коронавируса COVID-19 в 2020 г.

¹⁴ Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-п. URL: <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/fdc/nats-programma.pdf> (дата обращения: июнь 2021)

Список источников:

1. Авдеев Ю. А., Сидоркина З. И., Ушакова В. Л. Тенденции демографического развития в районах российской восточной Арктики // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 3. С.130–144. DOI: 10.19181/ population.2020.23.3.12
2. Аганбегян А. Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 3. С. 165–187. DOI: 10.14530/se.2019.3.165-187.
3. Грицко М. А. Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 2 (95). С. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46.
4. Исаев А. Г. Оценка эффекта государственных капиталовложений на частные инвестиции в Дальневосточном федеральном округе // *Регионалистика*. 2017. № 3. С. 26–34.
5. Минакир П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // *Экономика региона*. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1016–1029. doi 10.17059/2017-4-4
6. Минакир П. А. «Восточная государственная социально-экономическая политика»: миссия (не)выполнима? // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17. № 2. С. 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.007-015>;
7. Найден С. Н. Реализация государственной политики на Дальнем Востоке // *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 4 (93). С. 24–36. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-24-36
8. Суховеева А. Б. Современные тенденции смертности населения Еврейской автономной области // *Региональные проблемы*. 2017. Т. 20. № 2. С. 84–93.
9. Minakir P. A., Naiden S. N. Social Dynamics in the Russian Far East: Failure of the Institutional Paradigm // *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11. No. 2, pp.139–150 DOI: 10.1134/S2079970521020118

References:

1. Avdeev Yu. A., Sidorkina Z. I., Ushakova V. L. Demographic development trends in the Russian Eastern Arctic *Narodonaselenie* [Population], 2020, vol. 23, no. 3, pp. 130–144. DOI: 10.19181/ population.2020.23.3.12 (In Russian).
2. Aganbegyan A. G. Development of the Far East: a National Program in the Context of National Projects *Prostranstvennaya Ekonomika* = Spatial Economics, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 165–181. DOI: 10.14530/se.2019.3.165-187. (In Russian).
3. Gritsko M. A. Socio-demographic parameters of the Far East of Russia in the conditions of the implementation of documents of strategic development *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2021, no. 2 (95), pp. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46. (In Russian).
4. Isaev A. G. Evaluation of the Effect of Public Investment on Private Investment in Far Eastern Federal District *Regionalistika* [Regionalistics], 2017. no. 3, pp. 26–34. (In Russian).
5. Minakir P. A. «Turn to the East» Policy: Expectations and Reality *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2017. vol. 13, no. 4, pp.1016-1029 (In Russian).
6. Minakir P. A. 'Eastern State Socio-Economic Policy': Mission (Not) Possible? *Prostranstvennaya Ekonomika* = Spatial Economics, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.007-015> (In Russian)
7. Naiden S. N. Implementation of State Policy in the Far East *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2020, no. 4 (93), pp. 24–36 (In Russian).
8. Sukhoveeva A. B. Current Mortality Tendencies Among the Population of Jewish

Autonomous Region *Regional'nyye problemy* [Regional'nyye Problemy], 2017, no. 20 (2), pp. 84–93. (In Russian).

9. Minakir P. A., Naiden S. N. Social Dynamics in the Russian Far East: Failure of the Institutional Paradigm *Regional'nyye issledovaniya* [Rossii Regional Research of Russia], 2021, vol. 11, no. 2, pp.139–150. DOI: 10.1134/S2079970521020118

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 26.11.2021.

The article was submitted 28.10.2021; approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 26.11.2021.

Информация об авторах

С. Н. Найден – д-р экон. наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, Институт экономических исследований ДВО РАН

М. А. Грицко – канд. экон. наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований ДВО РАН

Information about the authors

S. N. Nayden – Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Research, The Economic Research Institute of FEB RAS

M. A. Gritsko – Candidate of Economic Sciences, Scientific Secretary, The Economic Research Institute of FEB RAS